

X Международная
научная конференция
Государственного
университета —
Высшей школы экономики
по проблемам развития
экономики и общества,
7—9 апреля 2009 года
Секция «Право»

Работа секции «Право» началась с сессии «Правовые стимулы социальной активности». Председательствующий сессии д.ю.н., проф. **М.Ю.Краснов** (Государственный университет — Высшая школа экономики) отметил различие между понятиями «социальная активность» и «социальная мобильность». Именно с расширения социальной мобильности и начиналась современная демократия. И сегодня именно социальная мобильность определяет уровень стабильности той или иной страны. Но главное (в том числе и с точки зрения правового регулирования), что социальная активность и социальная мобильность радикально отличаются друг от друга. Социальную активность правовыми средствами вообще реально стимулировать невозможно. Пока у человека не появится сильный побудительный мотив, который, в свою очередь, не возникнет без понимания, что какие-то действия помогут в решении тех или иных проблем, стимулировать активность бессмысленно. Иное дело — право и социальная мобильность. Думается, здесь требуется как раз не стимулирование, а снятие излишних ограничений.

Выступление к.ю.н. **Е.Н. Сальгина** (Государственный университет — Высшая школа экономики) было посвящено теоретическому аспекту проблем правового обеспечения социальной активности. Рассмотрев смысл самого понятия «социальная активность», ее видовые особенности, формы проявления, выступающий обратился к данным социологического исследования «Условия повышения социальной активности граждан в решении местных проблем» (Всероссийский совет местного самоуправления). Люди не очень склонны активно участвовать даже в решении местных проблем. Например, 65% опрошенных считают, что активность населения отсутствует. Это едва ли не самое основное свидетельство, что на местном уровне доминирует патерналистский образ сознания и мировосприятия.

Выход из этого положения, во-первых, в том, что правотворчество и правоприменение должны учитывать фактор социальной активности, необходимо со-

вершенствовать существующие и вырабатывать новые механизмы и институты обеспечения социальной активности.

В выступлении к.ю.н, доцента **С.В. Васильевой** (Государственный университет — Высшая школа экономики) «Конституционно-правовые регуляторы социальной активности: смещение вектора ее проявления» было показано, что законодательными средствами вполне можно стимулировать, упорядочивать или, напротив, подавлять социальную активность. К стимулирующим рычагам относятся нормы о налоговых преференциях тем гражданам и организациям, которые занимаются социально одобряемой деятельностью, например, благотворительностью. С.В. Васильева весьма предметно показала сегменты общественной жизни, где российское государство влияет на социальную активность. Прежде всего, это касается государственно-частного партнерства, выявила характер смещения вектора активности из политической сферы в сферы социальной и экономической жизни.

К.Е. Рыбак (Министерство культуры РФ) в докладе «Правовое регулирование в сфере культуры как фактор развития человеческого капитала» отметил, что понятие «человеческий капитал» не только отражает процесс общей гуманизации современного мира, но и становится одной из основ выбора стратегии социально-экономического развития. Хотя далеко не везде этим понятием руководствуются в реальной политике, тем не менее уже общепризнано, что вложения в человека, которые усиливают и развивают его способности, являются наиболее эффективными как с экономической, так и с общесоциальной точек зрения.

Разумеется, такие вложения необходимы и в физическое состояние человека, и в развитие его духовного мира, чему служат усилия государства в области культуры.

В докладе д.ю.н., проф. **А.Э. Жалинского** (Государственный университет — Высшая школа экономики) «Ограничительное действие уголовного закона на социальную мобильность» проанализировано, как именно уголовно-правовые нормы сдерживают социальную мобильность. Уголовно-правовой запрет является только юридическим «венцом» соответствующей политики государства. Причем нормативная политика, выражающая государственные намерения, может быть существенно искажена в процессе правоприменения, когда та или иная уголовно-правовая норма начинает использоваться как «дубинка». Именно в этом А.Э. Жалинский видит существенную опасность, в том числе и для расширения социальной мобильности. Докладчик обратил внимание на пробелы уголовного законодательства, препятствующие охране трудовой мобильности населения, борьбе с монополистическими действиями и ограничением экономической конкуренции.

Суть доклада старшего преподавателя **С.А. Маркунцова** (Государственный университет — Высшая школа экономики) «Правовые средства ограничения коррупционного поведения» состояла в том, чтобы представить видение угроз, которые несет коррупция, и предложить классификацию коррупционных преступлений.

Старший преподаватель **Д.В. Черняева** (Государственный университет — Высшая школа экономики) в докладе «Влияние социальной мобильности на реализацию пенсионных прав» разграничила вертикальную и горизонтальную мобильность, понимая под первой перемещение между социальными слоями различного уровня, а под второй — между различными социальными группами одного уровня, что связано прежде всего, с миграционными процессами и глобализацией рынка труда. Д.В. Черняева остановилась на том, как в разных странах системы пенсионного обеспечения откликаются на мировую экономическую рецессию.

Дискуссию обобщил официальный дискуссант сессии д.ю.н., проф. **А.С. Автономов** (ИГПРАН).

На круглом столе «Эффективность закона как фактора развития экономики» было отмечено, что правовых и экономических явлений взаимообусловлен. Эта тема на каждом этапе социально-экономического развития требует уточнения подходов и способов решения правовых и экономических задач. В советское время картина была представлена однозначно: экономика, собственность предопределяют сущность права и основные характеристики правового воздействия, а право имеет определенный потенциал воздействия на экономическое развитие. В постсоветское время отказ от старых мировоззренческих конструкций привел к некому отстранению правоведов от анализа самостоятельной роли права как фактора экономического роста. Вместе с тем представители современной рыночной экономической школы констатируют недостаточность чисто экономических факторов (вопросы накопления, потребления) для определения путей и средств, прогнозов развития экономических отношений. Все большую силу набирает институциональная экономика, как самостоятельное направление в анализе экономических процессов. В этом направлении институтам власти и права отводится одно из ведущих мест среди экономических факторов. В последние десятилетия активно разрабатывается конституционная экономика, основанная на изучении влияния конституции на экономические процессы. Таким образом, можно констатировать наличие общего исследовательского тренда в изучении права как самостоятельного фактора экономического развития. К сожалению, в этом направлении правоведы явно уступают экономистам.

По мнению д.ю.н., проф. **Ю.А. Тихомирова** (Государственный университет — Высшая школа экономики), марксизм жестко «привязывал» право к экономическим отношениям. Поэтому оправдан вопрос: насколько жестко «привязано» право к социально-значимым результатам его применения. В работе «Эффективность правовых норм» дается такое определение эффективности — это соотношение между фактическими результатами их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты. В последние годы признание истинности и правильности критериев теоретической эффективности норм права сочетается с характеристикой методов изучения эффективности закона, в частности, корреляционного анализа массовых социальных явлений¹.

В последние десятилетия интенсивно развиваются теории регуляции, институциональной экономики, экономического анализа права и др., позволяющие обнаружить сложные взаимосвязи этих явлений. Американский ученый Ричард Познер выделяет ряд ключевых понятий и связей между ними, в частности, правовое опосредование соотношения цены и величины спроса. Во Франции в рамках этих теорий рассматриваются институты как способы преодоления социальных конфликтов и поиска компромиссов. Конституционализм поддерживает идею о центральном месте права, конвенций, договоров и форм организации в качестве основы для объяснения природы социально-экономических явлений².

Еще один аспект — методология анализа регулирующего воздействия, разработанная в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), применяемая во многих странах. Исходная позиция — регулирование — является одним из важнейших элементов того инструментария, который органы государственного управления используют для решения своих задач. Регулирование явля-

¹ Эффективность закона. Методология и конкретные исследования // отв. ред. В.М. Сырых, Ю.А. Тихомиров. М., 1977. С. 9—52.

² Одинцова А.В. Французский регуляционизм. Институциональные системы и институциональные трансформации. М., 2009. С. 21—31, 45—55.

ется эффективным в том случае, если достижение этих задач обеспечивается при минимально возможных для всех членов общества издержках.

В трактовке эффективности закона есть два главных блока.

Первый — поиск меры правового опосредования фактических отношений и, соответственно, меры собственно правового воздействия. Прогнозирование и целеполагание — это старт движения, аналитические и реальные действия по формированию правовых формул и получение с их помощью конечных результатов — таков финиш. Второй блок обеспечивает эффективность закона. Это государственные и иные институты, муниципальные органы, публичные организации. Их «включенность» в закон как устойчивый нормативный ориентир деятельности позволяет добиться высоких результатов. Иное ведет к юридическим ошибкам, нарушениям законности, отклонению управления и хозяйствования от нормативных целей.

Что касается эффективной экспертизы проектов законов и иных актов — как системной, так и специализированной (юридической, антикоррупционной, экономической, социальной и т.п.), — то ее проведение официальными и независимыми структурами требует прочной законодательной основы. Чрезвычайно важен правовой мониторинг как информационно-аналитический институт с соответствующими полномочиями и действиями публичных экономических и социальных институтов. Мониторинг обеспечивает «обратную связь» от общества к законодателю и необходимую цикличность правового развития. Без этого рвется «правовая цепь» и сохраняются фрагментарность и иллюзорность правового регулирования.

Эффективность закона определяется системой показателей по ряду вопросов, в частности, правильным выбором объектов воздействия, определением целей, набором адекватных способов воздействия, правильным восприятием и реализацией норм, ожидаемых результатов реализации норм. Эффективность закона означает также определение влияния юридических показателей на эффективность деятельности органов и организаций в экономической и социальной сфере. Нами проведен анализ Указа Президента РФ от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» и утвержденного Перечня показателей оценки эффективности. Выяснилось, что из 43 показателей 27 относятся к экономической сфере, 14 — к социальной, 2 — к правовой (уровень криминогенности и доля преступлений, совершенных несовершеннолетними).

При анализе эффективности закона нужно в полной мере учитывать действие других социальных регуляторов, поскольку использование норм нравственности, традиций, деловых обычаев нередко дает оптимальный эффект. С другой стороны, чрезмерное правотворчество позитивного эффекта не дает.

Ведущий научный сотрудник Института правовых исследований **А.В.Кашанин** (Государственный университет — Высшая школа экономики) отметил, что тема эффективности законодательства относится к одной из наименее разработанных в отечественной доктрине права. В качестве основных причин такого положения следует указать на господство в отечественной юриспруденции крайних нормативистских позиций, редуцирующих право к формальной стороне регулирования и устраняющих из предмета правоведения любые вопросы о содержании права, о его эффективности. Господство нормативистской позиции ограничивает сферу интересов отечественной юриспруденции вопросами систематизации и толкования действующего законодательства. В связи с этим тема эффективности права до настоящего времени не получила развития, равноценного ее социальному значению.

Дополнительным фактором, ограничившим возможности исследования эффективности законодательства, было придание официального статуса одной опреде-

ленной позиции по проблеме соотношения права и экономики. Советская доктрина столкнулась с очевидной проблемой интеграции двух тезисов: позитивистского тезиса, сводящего право к системе норм, и марксистского тезиса об экономической обусловленности права. Выработанная официальная позиция заключалась в признании параллелизма права и экономики, познаваемости закономерностей экономики и возможности сознательного их использования в ходе правотворчества и правоприменения. На практике это привело к признанию возможности корректировать результаты стихийных рыночных процессов, т.е. по сути, к возможности произвольного вмешательства государства в имущественные отношения.

В результате в настоящее время в практике отечественного законотворчества и правоприменения вопросы эффективности нормативных правовых актов, как правило, игнорируются, что проявляется:

а) в отношении к закону как к панацее для решения социальных проблем. Согласно распространенному стереотипу, при возникновении проблемы вполне достаточно, как принято говорить, лишь «прописать» ту либо иную норму в законодательном акте;

б) в распространенности взгляда на возможность коррекции результатов стихийных рыночных процессов, т.е. по сути, произвольного вмешательства государства в имущественные отношения без серьезного прогноза социальных последствий такого вмешательства.

Укорененность таких позиций в практике законотворчества и государственного управления серьезно влияет на вектор и динамику экономического развития общества и на эффективность государства. Предпринимаемое исследование имеет целью проверку указанных позиций.

Вопрос о пределах вмешательства государства в экономику, о предсказуемости социальных событий и принципиальной возможности прогноза эффективности того или иного законодательного решения, о соотношении права и экономики не раз становился объектом исследования в рамках западной экономической теории и юриспруденции. В настоящее время имеется значительный массив иностранной литературы по данной проблематике (не переведенной, однако, на русский язык). Это касается прежде всего исследований в рамках западной правовой доктрины. Настоящее исследование предполагает анализ указанных программ и интеграцию их основных результатов в актив отечественной юриспруденции.

Основной целью предпринимаемого исследования является анализ комплекса вопросов об эффективности права в экономической сфере. Вопрос об эффективности права в любом случае предполагает соотнесение права с внеправовым контекстом, а потому анализ неизбежно будет иметь междисциплинарный характер, предполагающий привлечение обширного корпуса знаний правоведения, экономической теории, социологии. Постановка вопроса об эффективности законодательства в той или иной области включает конкретизацию понятия эффективности, его детализацию для целей законодательства. Важными темами становятся проблемы соотношения экономики и права, функций права.

Научный сотрудник Института правовых исследований **С.В. Третьяков** (Государственный университет — Высшая школа экономики) подчеркнул, что основная логика исследования предполагает анализ и проверку господствующих в различных правовых порядках взглядов на эффективность права в экономической сфере. Необходимо проанализировать, что понимается под эффективным правом в рамках наиболее авторитетных позиций, в том числе:

- юриспруденции интересов, юриспруденции ценностей, школы свободного права и других современных социологических концепций, редуцирующих право к социологическому контексту и оценивающих его эффективность через соотнесение с общественными интересами, ценностями и т.п.;

- теории экономического анализа права (law and economics), исходящей из возможности определения содержания норм права и судебных решений на основе методики сравнительного анализа издержек каких-либо решений;

- инструментализма в праве, в том числе американской школы правового реализма;

- современных концепций юридического позитивизма;

- концепций, основанных на признании автономности правовой системы и ее развития на основании собственной внутренней логики, в том числе системной теории Н. Лумана и концепции Е.Б. Пашуканиса;

- оппонирующей вышеназванным критической теории (critical legal studies movement), отрицающей автономность правовой системы и самостоятельность правовых конструкций;

- теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса;

- хозяйственно-правовых теорий, исходящих из парадигмы правового регулирования экономики как процесса решения текущих проблем и невозможности формирования самодостаточного механизма правового регулирования в сфере экономики;

- анализа взглядов экономической теории на роль права в экономике, прежде всего, основных экономических школ (австрийской, неоклассики, кейнсианства).

Необходимо проанализировать, как в рамках указанных доктрин оцениваются правовые конструкции и законодательные решения, какие основания выдвигаются для вывода об их автономном статусе либо производности от внеправовых категорий (экономики, интересов, ценностей), какие факторы должны в первую очередь учитываться при формировании эффективных законодательных решений; каковы должны быть практические результаты реализации принятых нормативных правовых актов. Это позволит соотнести указанные парадигмы с эмпирическим базисом и оценить степень правдоподобия указанных доктрин.

Проведенное таким образом исследование даст основания для выводов:

- о соотношении права и экономики;

- о предсказуемости социальных событий и о принципиальной возможности прогнозной оценки эффективности того либо иного законодательного решения;

- о пределах допустимого вмешательства государства в экономику, роли закона и функций права в экономической сфере;

- о перечне существенных факторов, учет которых необходим при формировании законодательного решения.

Вопрос об эффективности права имеет и специфический правоведческий пласт, связанный с исследованием формальной структуры права: каким должен быть механизм правового регулирования, позволяющий достичь желаемых правовых последствий; каким формальным требованиям должно соответствовать право, чтобы успешно выполнять функции упорядочения поведения людей на основе правил общего характера? В этом смысле речь идет об исследовании внутренних закономерностей права, относящихся как к его формальной стороне, так и определяющих его основное содержание. Крайне важным с этих позиций является также изучение вопроса о пределах применимости методов частного и публичного пра-

ва в различных сферах отношений, об условиях эффективности использования основных юридических конструкций, относящихся к указанным сферам правового регулирования.

Крайне плодотворным представляется анализ степени применимости публично-правовых методов для регулирования экономики, а также степени переносимости публично-правового вмешательства для отдельных участников оборота и для частной сферы в целом. Указанные выводы могут применяться и при анализе новых форм воздействия государства на сферу экономики (например, частно-государственное партнерство).

Говоря о методологии исследования, необходимо отметить, что необходимо исходить из методологической предпосылки о значительной степени самостоятельности правовой системы от иных общественных систем (экономической, политической, культурной). Правовая система, испытывая воздействие различных внешних стимулов, все же развивается исходя из своей внутренней логики, основу которой образует принцип системности права. Именно с этим связана ограниченность возможностей законодателя по произвольному определению содержания норм права.

При проведении юридического исследования основное значение приобретают такие аргументативные стратегии, которые основаны на учете внутренних закономерностей права. Непосредственные ссылки на внешние по отношению к правовой системе факторы (мораль, политическая целесообразность, потребности, интересы) должны признаваться в юридическом дискурсе иррелевантными. При этом актуализируется вопрос о применимости иностранных доктрин, юридических конструкций и аргументативных стратегий в российской правовой системе, имея в виду ее специфику. Мы считаем необходимым специально рассматривать вопрос о применимости иностранного опыта в отечественной правовой системе с учетом ее исторического опыта и внутренних закономерностей правовой системы.

Старший научный сотрудник, к.ю.н. **Э.В. Талапина** (ИГП РАН) полагает, что прежде чем оценивать эффективность закона, необходимо определиться с самим понятием эффективности. Имеется ли в виду достижение цели правового регулирования, поставленной в законе (уменьшение налогового бремени, упрощение административных процедур) или более масштабное изменение состояния общественных отношений? Эффективность имеет разные аспекты — экономический, социальный, причем экономическая эффективность может достигаться за счет умаления социальных целей. В идеале эффективность закона должна оцениваться комплексно, и критерий такой эффективности сложносочиненный, учитывающий самые разнообразные аспекты жизни общества. Применение подобных критериев требует особых методик оценки. Например, проводится антикоррупционная оценка законопроектов. Но нельзя забывать, что полная антикоррупционная корректировка норм законов способна убить экономику, если при этом не считаться с мотивами целесообразности, политическими и социальными условиями. Кроме того, реальность оценки эффективности закона напрямую зависит от того, насколько это удлинит привычный законотворческий процесс. Перспективы внедрения такой оценки маловероятны, если это потребует дополнительных затрат (финансовых и временных).

При обсуждении к.э.н. **Е.В. Голосова** (Кемеровский госуниверситет) отметила необходимость и перспективность комплексных исследований экономистов и юристов в определении критериев эффективности правовых регуляторов в сфере экономики; д.ю.н. **Ю.Г. Арзамасов** (Государственный университет — Высшая школа экономики) подчеркнул роль критериев эффективности законодательной

деятельности, в том числе законодательной техники; к.ю.н. **Е.Н. Салыгин** (Государственный университет — Высшая школа экономики) отметил роль выявления экономических потребностей и адекватное отражение их через интересы в праве, а также проблему соотношения частных и публичных интересов в правовом регулировании и правоприменении.

На сессии «Право и экономика» доклад к.ю.н., проф. **К.Ю. Тотьева** (Государственный университет — Высшая школа экономики) был посвящен теме «**Ответственность за нарушение российского и зарубежного антимонопольного законодательства: экономический утилитаризм или принцип справедливости?**». Практике применения норм отечественного и зарубежного конкурентного права известны два стандарта оценки ответственности за нарушение правил добросовестной конкуренции: 1) принцип экономического утилитаризма; 2) принцип справедливости. Теория утилитаризма используется главным образом в англо-американской экономической и юридической науке для обоснования, критики и механизмов совершенствования современного антитрестовского права. Важнейшей составной частью этого направления является принцип консеквенциализма (consequentialism). В соответствии с ним нормативные предписания и другие институты должны оцениваться с учетом полезности последствий их реализации³. Именно на этом принципе основан экономический анализ права, широко востребованный для исследования последствий применения антимонопольного законодательства. Конституционный Суд РФ не использовал напрямую в своих решениях принцип экономического утилитаризма. Обычно по делам, связанным с антимонопольным законодательством, в решениях этого органа фигурирует принцип свободы добросовестной конкуренции (ч. 1 ст. 8 и ст. 34 Конституции РФ).

Другим критерием оценки антимонопольного законодательства является принцип справедливости. Разработанная в западной философской доктрине теория справедливости устанавливает, что все общественные ценности (к ним относятся и свобода экономической деятельности, и свобода конкуренции) должны быть распределены равномерно, кроме случаев, когда их неравное распределение оказывается выгодно каждому⁴. Эти требования применимы и к оценке мер ответственности за нарушение антимонопольного законодательства. Они выражаются в обоснованности и определенности вводимых законодателем мер регулирования экономической деятельности. Так, по поводу проблемы защиты конкуренции Конституционный Суд РФ отметил необходимость равного доступа к свободе экономической деятельности в п. 4-5 своего Постановления от 23 февраля 1999 г. № 4-П.

К.Ю. Тотьев оценил с точки зрения конституционного принципа справедливости правила об административной ответственности (одноуровневой и двухуровневой) за нарушение антимонопольного законодательства, содержащиеся в статьях 14.31-14.33 и 19.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) и пришел к следующим выводам.

Указанные нормы свидетельствуют о давно назревших усилении и специализации такой ответственности. Однако с точки зрения принципа справедливости обоснованность произведенных изменений вызывает сомнения⁵. Речь идет о существенном сужении области применения административной ответственности по

³ См.: *Smart J.J.C., Williams B.* Utilitarianism: for and against. Cambridge, 2007. P. 12.

⁴ *Rawls J.* A Theory of Justice. Harvard, 2005. P. 60.

⁵ См.: п.2.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2006 года № 4-П.

сравнению со сферой действия запретов Закона о защите конкуренции от 26 июля 2006 г. (ЗоЗК). Предусматривая значительный уровень административного усмотрения, отечественный законодатель в то же время не вводит подробных критериев его справедливой и эффективной реализации. Такая дискреция касается выбора: 1) между двумя моделями административной ответственности в КоАП РФ (одноуровневой и двухуровневой); 2) между общими, специальными и смежными составами, имеющими схожие признаки; 3) конкретного размера штрафных санкций. При этом общие положения о назначении административного наказания (ст. 3.1 и 3.5, ст. 4.1—4.7 КоАП РФ) не в полной мере адаптированы к специфике целей и способов реализации антимонопольного законодательства, и поэтому не устраняют указанные проблемы. Данные проблемы возникли во многом из-за настойчивого стремления отечественного законодателя включить все составы, обеспечивающие соблюдение антимонопольного законодательства, в КоАП РФ. Одним из возможных их решений могло бы стать возвращение административных санкций в текст ЗоЗК и ограничение роли КоАП РФ в установлении правил об антимонопольной ответственности лишь отсылочными нормами.

В докладе С.В. Гомцяна «Пути совершенствования правового режима приобретения крупных пакетов акций открытых акционерных обществ» были затронуты меры по совершенствованию двух важнейших составляющих российского правового режима приобретения крупных пакетов акций — правила обязательного предложения и правила добровольного предложения. В 2006 г. вступили в силу изменения в Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208—ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО), устанавливающие детальный порядок приобретения крупных пакетов акций открытых акционерных обществ (более 30%). Несмотря на то, что эти изменения были внесены в российское законодательство сравнительно недавно, и основываются они на прогрессивном зарубежном опыте, анализ практики применения Закона об АО и сравнительно-правовое исследование норм российского права о приобретении крупных пакетов акций уже выявили ряд серьезных недостатков.

Анализ становления правовых режимов приобретения крупных пакетов акций в зарубежных правовых порядках (США, Великобритания, ЕС) показывает, что в процессе регулирования должна быть решена задача достижения баланса между двумя прямо противоположными целями: стимулированием корпоративной реструктуризации (т.е. облегчением процедуры приобретения крупных пакетов акций), с одной стороны, и созданием необходимых условий защиты прав и законных интересов миноритарных акционеров, с другой.

К сожалению, в Законе об АО этот баланс соблюдается не всегда, и именно это является причиной проблем при приобретении крупных пакетов акций. С учетом необходимости вышеуказанного баланса были предложены следующие основные направления совершенствования Закона об АО в части направления в акционерные общества обязательного и добровольного предложений:

- ограничение действия его правового режима акционерными обществами, акции которых обращаются на торгах организаторов торговли на рынке ценных бумаг, или которые имеют большое число акционеров (более 500 человек);
- распространение правила обязательного предложения на косвенное установление корпоративного контроля над акционерными обществами;
- сохранение диспозитивного характера нормы о пропорциональном приобретении акций в рамках добровольного предложения только в отношении заявления акционера о продаже акций;

- сокращение сроков действия обязательного и добровольного предложений и, соответственно, правила «невмешательства» (требование о сокращении полномочий совета директоров общества после поступления в общество обязательного или добровольного предложения); установление специальных правил созыва общего собрания акционеров после получения обществом публичной оферты.

Обзор составили: д.ю.н., проф. М.А.Краснов, д.ю.н., проф. В.Д.Мазаев, к.ю.н., проф. К.Ю.Тотьев (Государственный университет-Высшая школа экономики)